

Полвека на сцене

50 ЛЕТ в искусстве—это большой творческий путь. Калининцы, которые вот уже 25 лет видят Виталия Михайловича Брянского на сцене своего театра, могут много хорошего сказать об этом талантливом актере-земляке, который всегда был их любимцем.

Но хочется начать эту юбилейную статью со сцены, которая была разыграна далеко от Калинина, в совершенно необычайных условиях.

Это было в 1941 году, в трудные дни войны, когда фашистские орды, рванувшись к Москве, топтали дороги и поля Калининщины. В те дни актеры Калининского театра организовали специальные выездные труппы. Под вечер на транспортных самолетах вылетали они с пригородного аэродрома в район боевых действий и, совершив потом небольшое путешествие на автомашинках, шли пешком почти к самым передовым и где-нибудь в лесу в овраге, в старом сарае, в колодезной яме, а то и просто в поле устраивали концерт или показывали отрывки из пьес для воинов частей, отведенных на короткий отдых и завтра идущих в бой.

Думается, что ни один из участников этих необыкновенных фронтовых турне не сможет без хорошей гордости и радости вспомнить эти торопливые концерты, которые шли под открытым небом, под аккомпанемент артиллерийской канонады.

Вот один из таких спектаклей невольное и вспоминается, когда думаешь о творческом юбилее старейшего актера-земляка. Это было в начале сентября, за Ржевом, так близко от района боев, что западный ветер доносил порой не только канонаду, но и треск пулеметных очередей—далекий, еле слышимый, но все же говоривший, что бой идет где-то совсем недалеко.

Сценой служили два составленных кузова с кузовом тяжелых грузовика, на которых только что привезли снаряды. Зрители—солдаты и офицеры—расположились на скатах оврага, образовавшего в этом месте крутую излучину. Зрителей

было человек пятьсот. Был это народ, обкуренный войной, усталый. Все они лишь ненадолго вырвались из самого пекла войны, были измотаны долгими, тяжелыми боями. Но вряд ли у работников искусства могли быть более чуткие, восприимчивые и благодарные слушатели.

Шел отрывок из «Леса». Не припомнить, кто играл Несчастливцева, но Счастливецем был, как и всегда в нашем театре, Виталий Брянский. И, как всегда, не успел он появиться на сцене,—короткий, плотный, с висящими франтоватыми усиками и эспаньолкой, в коротких клетчатых панталонах и чулковой фуражке на макушке, не успел он и слова произнести, а только повел глазами и по-особому, по-своему усмехнулся, как по всему естественному амфитеатру покатился смехок. А скоро шутевские ухватки Аркашки, его слово-ерик и особое, столь свойственное Виталию Михайловичу умение с комической многозначительностью выговаривать наиболее юмористические места роли, окончательно захватили усталую, измотанную в боях аудиторию.

Дружный богатырский смех, здоровый, исцеляющий все душевные боли смех несся из оврага. Должно быть, это увлечение актерской игрой в столь необычайных условиях и привело к тому, что вражеским легким бомбардировщикам—из тех, что на фронте звали «костылями», удалось незаметно добраться до места, где шел спектакль.

С гитлеровской авиацией в те дни шутить не приходилось. В мгновение стало тихо. Это очень странно—большой массе людей находиться под брюхом вражеского самолета, начиненным осколочными бомбами. Но разбегаться—это значит демаскироваться, выдать себя, сделать заметной всю массу войск, дать легкую мишень врагу.

— Сидеть на месте!—скомандовал находившийся среди зрителей подполковник.

И все же несколько молодых солдат из свежего пополнения бросилось наутек. В

эти мгновения все слышали только зловекий, скребущий гул вражеских бомбардировщиков, каждый был занят ими, опасностью, никто не глядел на сцену. И вдруг раздался неестественно громкий, знакомый голос, произнесший с неповторимой интонацией Брянского:

— Я в комки перешел-с... Из комков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенной душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры!

Все оглянулись. Оказывается, комический Аркашка продолжал жить на сцене. Жить, играть...

Самолеты все кружили, а сцена продолжалась. Никто не бежал. Все сидели, точно окаменев. А когда засвистела брошенная, должна быть, наугад небольшая бомба и фронтовики инстинктивно пригнулись, Аркашка на сцене сделал комические антраша и заявил:

— Пробовал бороду-с, да не выходит... Вместо волос-то перья растут, Геннадий Демьяныч...

И на этот раз наградой актеру за комический дар и чудесное самообладание был гром аплодисментов.

Виталий Михайлович Брянский, уже и в ту пору человек немолодой, был всегда среди тех, кто неутомимо путешествовал по военным частям, по госпиталям, играя в полуразваленных зданиях, отеплявшихся кострами, горевшими на полу. Случалось играть и зимой на морозе, когда каждая реплика вылетала изо рта курчавым облаком пара.

Роль Аркашки Счастливецца из «Леса» являлась, несомненно, одной из самых удачных из многих десятков ролей, сыгранных в пьесах разнообразных жанров этим талантливым и разносторонним актером. Аркашка в исполнении Брянского необыкновенно своеобразен и не похож на многих других Аркашек, каких нам доводилось видеть в разное время в других театрах, в другом актерском исполнении. И, думается нам, что это одна из любимых его ролей, которую он играет, может быть, с тем лиризмом, с каким пожилой человек вспоминает давно прошедшую юность.

Так, пожалуй, оно и есть. Семнадцатилетним юношей Виталий Михайлович поступил статистом на провинциальную сцену и прошел суровую школу провинциального актера того времени, принужденного в поисках работы и куска хлеба иногда пешком, иногда «зайцем» в поезде путешествовать из города в город. Был он и кассиром в актерском бродячем коллективе, кочевавшем по ярмаркам, был суфлером, костюмером, работал на выходных ролях. Все было. И понадобилась огромная любовь к искусству, самодисциплина и работоспособность, чтобы не разменять свой талант на мелочи, не превратиться в ярмарочного шута, не погасить в себе мечты о театре и не вступить на более проторенный жизненный путь.

В 1903 году юному Брянскому довелось посмотреть весьма шумную в те дни постановку пьесы «Юлий Цезарь» в Московском Художественном театре, о которой много говорили и спорили в кругах интеллигенции. Спектакль этот показал великие возможности настоящего искусства. С тех пор в трудную минуту усталости и колебаний молодой актер вспоминал этот спектакль, вспоминал игру молодых мастеров Художественного театра и с новой энергией устремлялся к сцене.

Ему повезло. Талант был замечен, и Брянского приняли в «Товарищество новой драмы»—театр с определенным творческим лицом, в коллективе которого были такие замечательные актеры того времени, как Певцов, Костромской, Нароков Степная. Театр ездил по провинции, но это уже были такие города, как Тбилиси, Ростов-на-Дону, Киев.

Большое влияние на формирование творческого лица Виталия Михайловича оказал такой чудесный режиссер и дея-

тель театрального искусства, как Соболев-Щиголев-Самарин.

— Он формировал наше дарование в большой хорошей манере,—вспоминает Виталий Михайлович о том периоде своей жизни.—Он стремился развивать лучшее, что было в таланте у каждого актера, и не давал нам сбиваться на дешевые эффекты, на провинциальный тон. Этому замечательному режиссеру-воспитателю я в значительной степени обязан тем, чем стал...

За 50 лет работы на сцене В. М. Брянским сыграно свыше трехсот ролей. Триста ролей, и каких!

Аркашка в «Лесе» А. Н. Островского, Алексей—в «Детях Ванюшина» Найденова, Господин Н. и Господин Д., Репетиллов, Фамусов—в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, Жанарх, Хлопов, Добчинский и Бобчинский, Земайника, Осип в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, Алешка, Бубнов, Лука—в «На дне» А. М. Горького, Грумио—в «Угрошении строптивой» В. Шекспира, Ивандя, Чир—в «Любови Яровой» К. Тренева, Светиков в «Тенях» М. Е. Салтыкова-Щедрина—вот далеко не полный перечень сценических образов, над созданием которых работал Виталий Михайлович.

Двадцать пять лет назад Виталий Михайлович приехал в город Калинин. Он приехал как режиссер. Это был уже сложившийся художник. Калининцы хорошо помнят этот год, который начал новый этап в истории их театра, так как примерно в это же время в театр вливаются такие талантливые актеры, как П. П. Лобанов, Н. В. Маргаритов, П. П. Званцев, О. В. Холина, Д. В. Дембицкая, приходит тогда совсем еще молодой А. А. Мальченко.

Собственно с этой поры театр наш об-

заводится своим постоянным коллективом, у него появляется свое творческое лицо, и он начинает выдвигаться в ряды передовых периферийных театров. В. М. Брянский и как режиссер, и как один из ведущих актеров, и как один из обязательных людей, цементирующих коллектив в момент его формирования, немало для этого сделал. Но думается, что не будет проявлением «калиннинского местного патриотизма» сказать, что именно здесь, в нашем городе наступила пора наивысшего творческого расцвета этого незаурядного актера.

Мы живо помним Виталия Михайловича в таких ролях, как роль Лопеса («Испанский священник»), Юсова («Духодное место»), Чира («Любовь Яровая»). Какие это все разные роли! И для каждой из них Виталий Михайлович нашел свои краски, каждую осветил по-своему оригинально и жизненно правдиво.

И всю свою большую, активную творческую работу Виталий Михайлович, актер, коммунист, всегда сочетает с большой общественной деятельностью. Он чуткий воспитатель театральной молодежи. Он был создателем в Калининском областного отделения Всероссийского театрального общества, в котором состоит 50 лет.

Учтя большие заслуги В. М. Брянского перед советским театром, правительство Российской Федерации присвоило ему звание заслуженного артиста РСФСР. Калининские же зрители уже давно наградили этого выдающегося художника своей неизменной любовью и глубоким уважением.

Теперь, когда исполнилось 50 лет сценической деятельности В. М. Брянского, из которых половину он столь благотворно проработал на калининской сцене, хочется пожелать ему новых творческих дерзаний, новых актерских успехов.

**Б. ПОЛЕВОЙ,
Н. ПОПОВ.**

☆

НА СНИМКЕ: В. М. Брянский беседует с молодыми актерами областного драматического театра.

Фото П. ЧЕХОНИНОЙ.